

Нора Галь. Слово живое и мертвое

Нора Галь – выдающийся переводчик английской и французской литературы, чьи работы («Маленький принц» Сент-Экзюпери, «Посторонний» Камю, «Убить пересмешника» Харпер Ли и многие другие) давно вошли в сокровищницу отечественной литературы. Ее труд «Слово живое и мертвое» посвящен художественному переводу и представляет собой квинтэссенцию опыта Норы Галь как редактора и переводчика. В этой работе, далеко выходящей за рамки пособия для начинающих работников слова, автор с блеском и юмором обыгрывает богатейший материал, собранный на основе более чем полувековой работы с текстами, отстаивая и охраняя одно из самых важных достояний нашей культуры – чистоту русского языка.

Ссылку на Нору Галь я нашел у Максима Ильяхова и Людмилы Сарычевой в книге [Пиши, сокращай](#).

Нора Галь. Слово живое и мертвое. – М.: Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с. (впервые издана в 1972 г.)

Купить цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#)

Глава 1. Берегись канцелярита!

Откуда что берется?

Много лет назад Корней Иванович Чуковский опубликовал статью [Канцелярит](#). Это окаянный и зловредный недуг нашей речи. Слишком много пустых, бессодержательных, мертвых слов. А от них становится неподвижной фраза: тяжеловесная, застойная, она прямо противоположна действию, о котором говорит, чужда борьбе, движению, содержательности, экономности. Суть ее можно выразить вдвое, втрое короче – и выйдет живей и выразительней.

Вот тут бы и вмешаться редактору, выбросить все лишнее... Нет, куда там, вдруг выйдет «несолидно»! А чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем, видите ли, солиднее... И уже не разберешь, что с чем связано и что для чего нужно. Да и не нужно тут больше половины! Пять длинных слов да два коротких – там, где хватило бы одного слова, причем – что очень важно – одного глагола!

И вот уже пишут – «В течение бесконечно долгих недель (героя романа) мучили мысли, порожденные состоянием разлуки»! А не проще ли, не лучше ли хотя бы: много долгих недель его мучила тоска?

В этой книжке нет выдуманных примеров, все – подлинные. Из радиопередачи: «Поистине счастливым поэт может считать себя, когда он чувствует свою необходимость людям». Отчего бы не сказать по-людски: Поистине, счастлив поэт, когда чувствует, что нужен людям.

Из переводного романа: «Он был во власти странного оцепенения, точно все это происходило во сне и вот-вот наступит пробуждение... Одолев столько кризисов, он словно утратил способность к эмоциям. Воспринимать что-то он еще мог, но реагировать на воспринимаемое не было сил».

А ведь можно сказать хотя бы: Странное чувство – будто все это не на самом деле, а на грани сна и яви. Он словно оцепенел, после пережитого не хватало сил волноваться. Он был теперь ко всему безучастен.

Или «...холод, как и голод, не служил для них предметом сколько-нибудь серьезной заботы – это был один из неотъемлемых элементов их быта». Лучше написать: ...холод, как и голод, мало их заботил – они издавна к нему привыкли.

Так что же он такое, канцелярит? Это – вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит – застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву. Это – нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже – родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь.

Это – обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими. Это – вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими. Это – тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи. Это – штамп.

Жечь или сушить?

Самое действенное, самое взволнованное слово в нашем языке – глагол. Громоздкими канцелярскими оборотами жечь сердца, затронуть душу довольно трудно. Обилие существительных, особенно отглагольных, тяжелит и сушит речь. Фраза со многими косвенными падежами неуклюжа и недоходчива. Причастия и деепричастия тоже не делают прозу благозвучной, ясной и никого не взволнуют. Сравните:

...Под влиянием длительного непрерывающегося напряжения он словно утратил способность к критическому суждению	Эти тревожные дни дались ему нелегко, и он словно разучился критически мыслить (ясно понимать происходящее, трезво судить о том, что происходит).
Я почему-то почувствовал сильное ощущение одиночества.	Мне почему-то стало очень одиноко.
По мере приближения момента встречи с нею	Чем меньше времени оставалось до встречи с нею
Это не может не явиться плодотворным поводом для размышлений	Тут есть, о чем задуматься

Словесная алгебра

«По сведениям, поступавшим из разных источников» – это не сообщение ТАСС, это говорит живой человек! Почему же не сказать живыми человеческими словами: Как я понял по рассказам, как рассказывали мне разные люди...

Очень, очень редко уместно официальное:	Почти всегда можно и нужно сказать просто:
следовательно	значит, стало быть
действительно	в самом деле, впрямь, вправду, по-настоящему
заблаговременно	заранее, вовремя, загодя
направлялся	шел
произошло, происшествие	случилось, случай
лично, самолично	сам
обнаружил	увидел, заметил, нашел, открыл
не выразил никакого удивления	ничуть не удивился
не стояла необходимость	незачем было
на расстоянии ста миль	за сто миль
по мере удаления	чем дальше
не играет никакой роли	неважно
на протяжении (по истечении) двух часов	за два часа, через два часа, два часа спустя

в южном направлении	к югу, южнее
это вызвало у меня раздражение	я злился, сердился, досадовал

В переводном рассказе о балованной жене читаем: «К сожалению, это в каждом случае оказывалось сопряженным с очень большими расходами». Тяжело, скучно, неуклюже – все тот же канцелярит! И еще своего рода языковая алгебра. Ведь словечко это – безличный алгебраический значок. Довольно подставить конкретное значение – и фраза оживет: На беду, всякий раз ее прихоти обходились слишком дорого (стоили огромных денег).

Еще один распространенный алгебраический значок, обычный штамп и живучий паразит нашей речи – расхожее словечко вещь. «Я тебе скажу одну вещь» – а верней бы: вот что я тебе скажу (если за этим следует что-то конкретное), либо, напротив: я тебе кое-что скажу. В перевод эти вещи попадают еще и по милости французского chose, английского thing. А куда как лучше получается без этой пустопорожней скорлупки.

А если без них?

На защиту родного языка встает В.Г.Белинский: «Употреблять иностранное, когда есть равносильное русское слово, значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

Иностранные слова	Русский вариант
Передо мной встает проблема...	Передо мной трудная задача...
Это был мой последний шанс...	Это была моя последняя надежда...
В этот роковой момент...	В эту роковую минуту...

И в минуты сильного волнения, внезапного испуга или горя куда вернее человеку потерять не контроль (controls), а власть над собой, самообладание, утратить хладнокровие, даже – потерять голову!

И очень плохо – «он ощутил глубокую депрессию». В подлиннике-то depression, но по-русски все-таки уныние, а еще лучше просто: он совсем пал духом.

Среди иностранных слов есть особенно злобные слова-паразиты, от которых поистине отбою нет. Они не несут никакой информации, не прибавляют ничего нового. Это – всевозможные факты, моменты и иже с ними. В 99 случаях из 100 их можно выбросить без малейшего ущерба для фразы. Например, «Но не сам факт неудачи послужил причиной отчаяния» – факт совершенно лишний. Лучше: Но не сама неудача привела его в отчаяние.

Далеко не всегда хорошо сказать, что человек судит о чем-то, относится к чему-то объективно. Не хуже, а подчас много лучше и вернее вместо газетного, давно уже стертого, надоевшего объективный поставить хорошие русские слова: *беспристрастный, справедливый*.

Куда же идет язык?

Автор справедливо критикует чрезмерное употребление калек с иностранных языков, хотя некоторые слова в современном русском прижились.

Вот некто «присел на корточках у фондю, в которой что-то шипит». Что за штука этот урод «фондю» и с чем его едят? Во французско-русском словаре такого не нашлось, в «Ларуссе» это – изысканное, хотя и скороспелое блюдо из сыра со специями. Но не обязательно же нам разбираться во всех тонкостях кухни всех стран. И не лазить же по словарям не одного – нескольких языков, если у того же автора на другой странице едят «суп и стейк»! И зачем кокетничать стейком, если у нас уже давно «прижился» бифштекс?

Мертвый хватает живого

Язык живет и меняется, но нельзя допускать, чтобы он менялся к худшему. Каждая *реакция, ситуация*, каждый обобщенный алгебраический значок канцелярита вытесняет из обихода с полдюжины исконных русских слов, обозначающих конкретные оттенки чувств. Это и есть оборотная сторона канцелярита: язык утрачивает краски, понемногу забываются, выпадают из обихода образные, полнозвучные, незатрепанные слова. Они пылятся в литературных запасниках, и мы начинаем путать, исказить их смысл при употреблении.

Странно исказилось слово «усугубить». Некогда оно означало – удвоить, позже – еще и усилить, увеличить (заботу, внимание и т.п.). Но ведь стали писать: усугубить положение, ситуацию! 200-тысячным тиражом распространялись такие словесные уроды: «Никто не назвал бы ее (самку кита) красавицей, усеявшие переднюю часть плавников вздутия только усугубляли картину»! Или: «Положение усугубляется тем, что...»

«Не задавай наивных вопросов, мы не дети, – с явной интрижкой ответил...» герой романа. Поневоле усомнишься: да понимал ли автор смысл слова, которое вывела его рука? Может быть, герой отвечал с ехидством, с подковыркой, намекал на какую-то интрижку? Но отвечать с интрижкой до сих пор по законам русского языка было невозможно.

В рассказе одного автора человек «сидел... облокотив лицо на руки, растянув щеки и глаза»! Автор не чувствует, что глагол происходит от локтя, не отличает облокотиться от опереться. Ту же странную оплошность допустил еще один писатель: у него некто стоял, облокотясь задом на стол!

А каково: «к нашей неожиданности»? Или «он к этому не имеет никакого прикосновения»? «Сколько за этим напряженного труда, растроченной энергии!» – с искренним волнением и сочувствием говорят с экрана о победителях конкурса музыкантов. Оговорка? Или человек забыл, что затраченная, потраченная с пользой энергия совсем не равноценна растроченной зря, впустую?

Пишут: «Душа разрешается от тела», забыв и уже не понимая, что разрешается женщина от бремени, душа же от тела – отрешается.

Или вот крупный газетный заголовок: «Пленящие узоры». Откуда это? Нет такого слова в русском языке! Автор перепутал, редактор проглядел – и получился уродец, помесь пленяющих и пленительных.

О подростке пишут: ловкий, находчивый, толковый, реже – смысленный. А как удачно в недавнем переводе: расторопный паренек! Отличная находка для competent!

Сводить к бедному, убогому и уродливому «современно-общепонятному» канцеляриту живой, образный язык, живую речь народа, мудрость, задушевность и красоту искусства – преступно. Канцелярит во всех своих проявлениях, а прежде всего обилием чужих, чужеродных слов, отравляет нашу речь. Воистину, по известному старому выражению, мертвый хватает живого!

Туманы...

Слово дано человеку для того, чтобы скрывать мысли, сказал мудрец. Однако в литературе слово призвано все же не скрывать, не затемнять, но прояснять мысли и чувства, приобщать к ним читателя. Печально, когда литератор не стремится к ясности, считает ее необязательной, даже излишней. Воображает (жестокое заблуждение!), будто простой, короткий, вразумительный оборот ниже его достоинства, и, дабы не уронить себя в глазах читателя, выражается выспренне и мудрено.

И это не случайность, а свойство канцелярита: затруднять восприятие, путать мысли, наводить на читателя сонную одурь. Часто смыкаются канцелярит отечественный и буквализм переводческий. Истово, слово за словом переводя иноязычный текст, рабски сохраняя чужой синтаксис, чужие грамматические формы, переводчик невольно впадает в то же самое туманное многословие. Отсюда такие противоестественные построения: «Ты единственная женщина, какую я когда-либо любил». Выходит, совсем нелепо, как будто говорящий любил давно и уже успел разлюбить! А надо бы просто: До тебя я никогда никого не любил!

К сожалению, этим «является» и «будучи» и не в переводах счету нет! «Эта сказка остается любимой детьми и с наслаждением читается ими». Помилуйте, да почему не сказать хотя бы: «Эту сказку и сейчас любят дети и с наслаждением ее читают»! Пассивные обороты – верный и неременный признак канцелярита.

Не своим голосом

Из семейной ссоры в современном детективе: «По крайней мере я могу поведать миру, что ты на самом деле собой представляешь и как ты обращаешься со мной». У автора I can let the world know, тон летописца или пророка ни к чему, жена сгоряча крикнет примерно: Всем расскажу (все узнают), какой ты на самом деле и как со мной обращаешься!

Энергичный, напористый, грубоватый человек скажет скорее

не так:	а иначе:
– Здесь нужно все уничтожить.	– Мы тут не оставим камня на камне.
– Вы нам вовсе не нужны!	– Обойдемся без вас!
– Выхода нет, так как дело наше не терпит промедления (а получается длинно, долго и медленно!)	– Выхода нет, дело наше спешное!

Речь старика. В подлиннике дословно: «Я знаю, у вас самые похвальные намерения. Но так как я нахожусь уже в весьма почтенном возрасте, то с моими желаниями все-таки следует считаться в первую очередь...» В переводе: «...но я все-таки уже достиг весьма почтенного возраста. И с моими желаниями не грех считаться...» Переводчик не следует покорно и слепо за подлинником, отбрасывает все лишнее, перестраивает фразу по-русски, и она становится ясной, непосредственной.

Почти всегда лучше отсеять вспомогательные глаголы, неизбежные в западных языках. Вспомогательный глагол с инфинитивом делает фразу тяжелой, громоздкой.

Передавая мысль, ощущение, по-русски естественней ввести настоящее время.

Когда в книге разговаривают дети или люди не очень культурные, когда человек спешит, волнуется, сердится, захвачен любым сильным чувством, особенно фальшиво и неуместно каждое лишнее слово, гладкопись, казенщина, сложные синтаксические построения. От этого надо избавляться во что бы то ни стало. Лишь тогда читатель в каждом случае поверит, что *такой* человек, в *такой* обстановке, в *такие* минуты и вправду говорит, и думает именно так, а не иначе.

Веревка – вервие простое

Известно: наш век – век науки. И как жадно поглощают читатели всех возрастов книги, брошюры, статьи, рассказы о самых разных областях знания! Но ведь ясно же, что с таким читателем надо говорить увлекательно, доступно, живо. Это вовсе не унижает науку. Еще двести лет назад Хемницер в известной басне высмеял «метафизика», который, вместо того чтобы ухватиться за веревку и вылезти из ямы, философствовал: «Что есть веревка?.. орудие... слишком уж простое» и так надоел отцу глубокомысленными рассуждениями, что тот ушел и оставил «метафизика» сидеть в яме. Отсюда и пошла как насмешка над мнимой ученостью поговорка «веревка – вервие простое».

До чего же мы любим умные, солидные слова. Звучит так учено, так красиво: «Как трансформировалось наше представление об Африке» – а почему бы не сказать изменилось, преобразилось?

Врач, профессор-медик, делится в письме своими мыслями и огорчениями. У нас есть хорошие и всем понятные слова, пишет он, но «вы ни в одной статье не увидите, скажем, выражения... восстановление слуха или дыхания. Обязательно будет сказано реабилитация... В русском языке слово «реабилитация» означает оправдание, возвращение доброго имени и может относиться только к человеку. В английском rehabilitation – и оправдание человека, и восстановление функций».

Глава 2. Как кошка с собакой

Мистер с аршином

В переводе мы работаем со словесным и образным материалом сразу двух культур, двух разных языков. И переводчику, и редактору (а кстати, и журналисту, пишущему о чужой стране) всякий раз не мешает задуматься, какое из чужих слов стоит перенести на русскую страницу и всякое ли русское слово и образ возможны на чужой почве в повествовании о чужом быте.

Переведен очередной детектив Ж. Сименона. Упомянуто, что у светской дамы какое-то очень важное свидание. С кем бы это? Небезызвестный Мегрэ догадывается: «С парикмахером, *поди* (!)» И еще: «Думаю, мы сдюжим, если вы дадите нам пару добрых смирных коняг». Это говорит сам рассказчик. Собеседник отвечает: «О, я подберу вам пару смирных лошадей». Диву даешься – откуда такой разнобой, такая безвкусица? Как переводчик этого не ощутил? А редактор?

На ножах

В одной рукописи стояло: «Пыль наводнила пространство». Можно сказать: толпа наводнила улицы. Образность этого слова уже несколько поблекла, его воспринимаешь наравне с «затопила» или просто как «заполнила», и с толпой оно не спорит: толпа может казаться потоком, рекой, разнобой

тут нет. Но вот наводнять очутилось в соседстве с пылью или песком, с чем-то сухим и сыпучим – и вновь напоминает о своем происхождении, о воде!

«Взял камень и засветил им в... фонарный столб». Смелое засветил было бы удачно в любом другом сочетании. Но рядом с фонарем заново «вспыхивает» его прямое значение. Тут лучше запустил. Коварная это штука – неудачное столкновение слов, друг друга исключаящих. Ведь они друг другу враждебны.

Рассказ о марсианах. Портрет их не очень подробен, но упоминаются щупальца, которыми они действуют, поводят, даже возмущенно потрясают. И вдруг один марсианин... взял себя в руки! В подобных случаях с идиомами надо обращаться так же осторожно, как с аршинами и верстами, которые, переселившись куда-нибудь на западную почву, утрачивают привычную стертость, и сквозь второе, переносное значение вдруг проступает их изначальный смысл и облик.

Когда вокруг бродят волки, не надо людям «хватать быка за рога», лучше скорей взяться за дело. Эти ловушки замаскированы привычностью переносного значения. Но зачастую пишущий соединяет слова, несоединимые по самому прямому, основному смыслу.

«Свинки замаякали»

«Нас постигла редкая удача» – не странное ли сочетание? Постигает – неудача, беда, несчастье, а удаче сродни глагол менее мрачный: нам выпала... Чаше всего ошибки возникают, когда сдвинуто, смещено обычное речение. «...Они будут гнуть свою палку, пока не добьются этого». Одно из двух: либо герои перегибают палку, либо упорно гнут свою линию. Журнальный очерк. Что-то нарушило тишину и порядок в театре, «но никто даже глазом не повел» – либо бровью не повел, либо глазом не моргнул.

«...Сердце ее сжималось и подкашивались колени» – ошибка довольно частая. Но ведь колени подгибаются! Подкашиваются – ноги! В одной рукописи встретилось такое: «Вы будете себя там чувствовать, как утка в воде». В подлиннике you'd take to it like a duck takes to water, но по-русски, конечно, как рыба в воде.

Глава 3. И голова и сердце на месте?

Предки Адама

Никому не под силу знать все. Но можно и нужно проверять все, что для себя мало-мальски сомнительно, неясно. Можно не знать назубок «Макбета», но недопустимо и чудовищно написать так: «Слава богу, пока бирнамская древесина не окажется в Дансинейне... ему нечего опасаться».

В арсенале языка немало оборотов, речений, которые требуют от пишущего известной культуры. Не зная их вовсе или зная только понаслышке, легко попасть впросак. «Хлебные крошки над водой, которые воздадутся сторицей». Человеку явно не хватило ни чутья, ни обыкновенной добросовестности, ибо, запнувшись на месте не очень понятном, надо рыться в справочниках, словарях, цитатниках. Не так уж трудно убедиться, что ведьмы пророчили Макбету безопасность до поры, «покуда Бирнамский лес не двинулся на Дунсинан», а библейское изречение гласит: «Отпускай хлеб твой по водам» (Экклезиаст).

К героине рассказа (это не перевод!) подходят пятеро ее напарниц! Трое, пятеро – по-русски не может относиться к женщинам, но теперь это ошибка очень частая. А напарница – это та, кто работает на пару, то есть вдвоем, как же их может быть пять (а с самой героиней шесть)?!

Когда глохнет душа

Как осторожно надо обращаться со словом! Оно может исцелить, но может и ранить. Неточное слово – это плохо. Но куда опасней – слово бестактное. Оно может опозлить самые высокие понятия, самые искренние чувства. Герой одного рассказа вернулся в город своей юности, смотрит, вздыхает: «Ничтожный город, но столько ему отдано сердечных сил, что, сколько ни уезжай от него, сколько ни живи в других городах, а от этого уже не оторвешься». Городок маленький, городишко крохотный, но презрительное «ничтожный» тут невозможно!

Еще Флобер – едва ли не строжайший стилист во всей мировой литературе – говорил, что нет хороших и плохих слов. Все зависит от того, верно ли выбрано слово именно для этого случая. И самое хорошее слово становится плохим, если сказано не к месту. Тут-то и нужен такт. Некто говорит:

«Я вижу себя слепцом!» Престранное сочетание. Если человек боится ослепнуть, уж наверно, он скажет иначе. Хотя бы: Мне уже чудится, что я ослеп.

Сотри случайные черты...

Всегда необходимо понять место каждой мелочи во всем повествовании. Видеть не только слово, фразу, штрих, но образ в целом, окраску всего события, находить ключ ко всему характеру. Чем сложнее образ, тем важнее передать во всех тонкостях и оттенках то зрительно, поэтически, психологически своеобычное, что в нем заключено. Не огрубить рисунок, не утратить черты живого облика, не упростить душевное движение. Современный французский роман. Героиню душит отвращение к жизни: «Точно грязная стоячая вода, которую нельзя остановить, оно захлестывало ее своими тяжелыми мутными волнами». Даже не глядя в подлинник, чувствуешь: образ развалился на части, ничего не вышло. Ведь стоячая вода – стоит, ее незачем останавливать, она ничего не захлестывает, у нее нет никаких волн!

«Ключьями клубится туман» – образ распался, из трех слов два друг с другом не в ладах. А не худо бы представить себе зрительно эти несовместимые формы: ключья – рваные, клубы – более законченные, округлые.

Глава 4. Буква или дух?

Мадам де Займи и другие

Как часто встречается и как несуразно звучит в переводе: «Я повернул на двадцатую стрит»! Нам уже хорошо знакомо, насыщено очень точным смыслом сочетание Уолл-стрит, мы привыкаем к названиям вроде Мэдисон-авеню, Лестер-сквер: это именно названия, сочетания нераздельные. Но ведь «стрит» – просто улица, и так бы и надо называть многочисленные нью-йоркские нумерованные «стриты»: Сороковая, Пятая, Сотая улица. А нередко название еще и рисует облик городка, селения, и тогда лучше не безликие «Мэйпл-стрит» и «рю Делорм», а Кленовая улица, улица Вязов.

Переводить ли иностранные названия? И, что еще сложнее, переводить ли осмысленные, многозначительные имена? Задача непростая, об этом немало спорили, и не раз ломались копья.

Ведь вот (об этом хорошо писал А. Арго) назвали же в переводе старую ростовщицу «мадам де Займи» – как хорошо и выразительно! И разве плохо, как предлагал Арго, девицу, чья фамилия по-английски означает «томность», назвать в переводе мисс Томнэй, субъекта по фамилии Снэйк (змея) – мистер Гад, а наушника – мистер Клеветаун?

Если одну лошадь в переводе называют «Принц», то почему рядом другая осталась «Квини»? Конечно же, она – «Королевна». Необходимо искать какие-то замены, чтобы не тускнели краски автора и ничего не терял читатель. Что-то выйдет удачно, что-то похуже. Одно плохо всегда – обычное оправдание, сноска: «непереводимая игра слов».

Буква...

В переводах с английского то и дело встречаешь оборот все в порядке (all right). У меня (со мной) все в порядке там, где вернее: все хорошо (благополучно). «Все в порядке» пишут всюду, без разбору: и в утешение плачущему ребенку (вместо ну, ничего, ничего, успокойся, пройдет, все обойдется), и о человеке – вместо он жив и здоров, и о машине – вместо она в исправности (работает как нельзя лучше). Так сохраняется буква подлинника, но искажается его дух, нарушается искренность речи, верность образа.

...Или дух?

В подлиннике книга начиналась так: «Dusk of a summer night», то есть «Сумерки летнего вечера». Всего-то три слова, а выходит плохо, скучно и не очень по-русски. И вдруг осенило: *Летний вечер, сумерки*. Просто? Но слова стали по местам, отпал канцелярский родительный падеж, появился какой-то внутренний ритм, настроение, образ. Примерно так и начинается переводчик. И редактор перевода. Когда перестаешь быть рабом иноязычной фразы, когда превыше всего для тебя не буква подлинника, но его дух.

В математике от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но как меняется сумма чувств и настроений, музыкальное и эмоциональное звучание фразы от перестановки тех же слов, иногда одного только слова!

Наши грамматика и синтаксис, великое им спасибо, позволяют чуть ли не любые слова в предложении поменять местами, тут у нас простора куда больше, чем в языках западноевропейских. Русская фраза отнюдь не должна быть гладкой, правильной, безличной, точно из школьного учебника: подлежащее, сказуемое, определение, дополнение...

Герой сказки не знал, как утешить плачущего малыша, дозваться, чтобы тот услышал «...как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез». В редакции заспорили: почему сначала определения неизвестно к чему, а лишь потом – подлежащее? Неясно, непонятно! И предложили порядок слов самый простой, без всяких инверсий: Ведь страна слез такая таинственная и неизведанная.

Да, все стало ясно и понятно, а скрытое в этих словах волнение при такой перестановке погасло. Не осталось ни таинственности и неизведанности, ни грусти – ничего, что так важно для настроения автора и героя!

Кто мы и зачем мы?

В редактировании перевода есть своя специфика. Редактор должен понять и проверить, так ли переданы суть и содержание подлинника, его смысл и стиль, нет ли ошибок против оригинала и ошибок, погрешностей против русского языка. Но за стиль перевода в конечном счете отвечает не редактор, а переводчик. Редактор вправе настоять, исправить прямую ошибку – идейную, смысловую, прямую безграмотность. В остальном хозяин перевода не он, а переводчик. Исполнительская манера у каждого своя – за нее переводчик отвечает сам.

С другой стороны, редактор не должен быть диктатором! Беда, если редактор заявляет непререкаемым тоном: «Мне так не нравится!». Или «Это плохо! Я это слово не люблю!» Беда, если он самовластно навязывает свой стиль и свою волю, не считаясь ни с волей переводчика, ни со стилем автора. Чаще всего так разговаривают как раз редакторы не очень хорошие. Ведь это закон: чем меньше у человека подлинных знаний, внутренней культуры, тем он самоуверенней, тем меньше умеет прислушаться к чужому мнению.

Каждый, кто пишет, – сам себе первый редактор. Важно на время написанное отложить. Слишком часто мы работаем в спешке, впопыхах. Даже самую спешную газетную заметку «в номер» и ту полезно отложить хоть на полчаса, как-то отвлечься от нее – и потом перечитать словно бы сторонним глазом. А от статейки побольше хорошо бы отрешиться и на три дня, на неделю, от большой, серьезной работы – и на месяц, и на два, если возможно. Тогда, перечитывая, непременно заметишь такое, что раньше не бросалось в глаза.

«Нет в мире совершенства!» – вздыхает мудрый Лис. А подобраться поближе к совершенству всем нам очень хочется. Вертишь строчку на все лады... К иному заколдованному месту возвращаешься опять и опять, маешься с ним, меняешь, черкаешь – нет, все не то... Такой «саморедактор» может замучить до полусмерти. Зато какое же счастье, когда наконец раскрутишь, распутаешь этот узел и найдешь настоящее, верное слово, тот самый ключик, который непременно подойдет к сердцу и разуму читателя.